

Хроника современной литературы

Александр Уланов

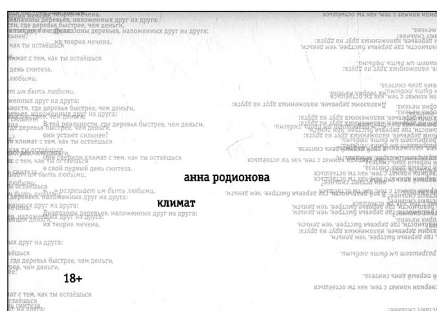
Не помехи

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_309

Родионова А. Климат / Предисл. Е. Захаркив и А. Тальского

СПб.: Порядок слов, 2022. — 60 с.

Климат — взаимодействие человека с окружением, постоянным (не с переменной погодой). Причем климат и «на сгибе локтя» (с. 19), окружение человек создает также и сам. «Некоторые системы передают данные, игнорируя наши способы чтения» (с. 48) — мир не подстраивается под нас, встретить его, расширив возможности восприятия, — наша работа. На грани литературы и науки — выделяя экспериментальную схему, объекты наблюдения. Один из важных мотивов книги — «крошачий ракурсы в ткань» (с. 20). Раздробленное, но упорно собирающееся во что-то еще. Одновременны разъединение и соединение — «взрывом, связкой воды» (с. 21). Задача — рост, в опоре друг на друга («чтобы вырасти друг на друга — скажи», там же). Владение не интересно, даже частью собственного лица (с. 22).

«Как говорить, хотя я не знаю» (с. 27) — и Родионова далее замечает, что любой разговор таков, мы никогда не знаем до конца, и нет никакого высшего источника смыслов, к которому можно было бы подключиться, мы всегда с частичностью, с разрывом («джетлагом») — но и не говорить не можем, иначе рассыплется мир, и, возможно, не только лично наш. «Это море на эксплуатации: управляемый

шторм» (с. 24) — природа становится все более управляемой. Есть и «близость страны, отслоённой от резкости» (с. 28), где и власть боится называть вещи своими именами. В этой ситуации сохранение свободы в мире — личное дело человека. Часта в книге комбинация знаков <...>. Одновременно и бессилие,

невозможность сказать что-либо — и пробел, указание на возможность многого в этой ситуации. «снег, цвет — ? — снега» (с. 23) — слова Мандельштама «не сравнивай: живущий несравним», видимо, можно отнести и к предметам. Сравнения вообще сомнительны: «Всё становится больше, как <...>» (с. 27). Оказывается пригодным нечто иное, например метаболо, в которой обе стороны проникают друг в друга, обмениваются свойствами.

Во многих строках компрессия смыслов очень велика. «мышцу данных в пыль, жабру» (с. 20) — данные рассматриваются как сила, но (своей хаотической множественностью? внешней, еще большей всеуничтожающей силой?) они стираются в пыль, но эта пыль способна снова улавливать кислород, дышать. Множественность оговорок соответствует сложности предмета. «сбитым с глотка гутгация» (с. 21). Гутгация — выведение воды растением на листья, например плач ивы. Глоток наизнанку? или подразумевается некто, кто пьет эту воду, живет ей? «Суперспособность (уже) (не) отделять» (с. 34) — подвешенность, где и время, и отрицание под вопросом.

Можно только согласиться со словами Е. Захаркив из предисловия об акценте книги Родионовой на многомерности, на способности текста к «перепределениям, в том числе подразумевая содержание в себе бесчисленных зачатков моделей восприятия, которые могут быть развёрнуты» (с. 5). Это противодействует современным агрессивным информационным потокам, в лучшем случае скользящим по поверхности, в худшем — навязывающим ту или иную идеологию. Это «не позволяет установиться нормализации/инерции: оно постоянно расшатывает линии наблюдения и едва обретенную дискурсивную последовательность, как только нам начинает казаться, что мы (вроде бы) сориентировались» (Захаркив, с. 7). Глубина текста и есть возможность обнаруживать в нем всё новое и новое. Акцент делается на процессы. Предмет — не застывшее, а узел меняющихся связей. Никакое действие не окончательно. «От движения остаётся его информация, выползок, / эта пустая спинка, сцепленная с постоянной работой / линек и мер» (с. 37). Важно сохранить недосказанность, возможность различных пониманий и связей. «От записи как формы языкового захвата к записи событий предкогнитивного схватывания» (Н. Сафонов)¹. Письмо не запись наличного, а создание чего-то с его помощью. Чтение — не воспроизведение, а действие на основе этого созданного.

«Не существует надежного референта, который мог бы удержать этот смысл» (Е. Захаркив, с. 4) — к счастью, да, иначе текст значил бы только что-то одно. Но эта ненадежность ведет к связям, к усложнению, а не к разрушению за счет помех. Хаос так же противостоит многозначности, плотности смыслов, как линейная повествовательность. «Ощущения вызваны не теми условиями, в которых оно себя обнаруживает, а теми, в которых оно себя теряет» (Захаркив, с. 4). Но потеря опять-таки ведет скорее к уменьшению смыслов, чем к возрастанию.

«Не тяжесть, но её красота — / место, которое не смогло застыть в видовой борьбе» (с. 18). Если красота тяжести — то, что не застывает, как удается не застыть? «Сминаясь ещё раз, тяжесть станет водой» (с. 29). Н. Сафонов

1 Сафонов Н. [«Смять» без выражения / что?]: «Пауза» Анны Родионовой и инфра-поэтика // Сайт премии А. Драгомощенко. 2020. 9 сентября (<https://atd-premia.ru/2020/09/12/anna-rodionova-2020/?ysclid=l75yqr8wxp10613637>).

пишет, что у Родионовой «сдвиги и смятия (а не снятия)», не благостные гелеевские примирения в синтезе. Абстракция при этом — поиск операторов действия с любыми возможными событиями. «До спектра, где его ещё нет» (с. 19). опередить событие, встретить его в будущем. «Поэтическое восприятие становится инструментом, который позволяет выразить переживание» (А. Тальский, с. 11) — скорее создать переживание (выражением литература занимается очень давно).

Свободу можно попробовать позаимствовать и у предметов, например деревьев: «быстрая корка, застывшая на передаче / свободы от плеч к плечу» (с. 31). У прутиков, ниточек, ткани — потому что свобода не в силе (хотя свободе нужна сила, а сила мерзостна, если не несет свободу). Телесность, предметность для Родионовой очень важны, книга — фактически арт-объект (в качестве аналога можно указать, например, на книги Павла Заруцкого). Уже содержание (с. 15) — визуальное стихотворение, в котором названия разделов кружатся вокруг парящей в пространстве пока еще свернутой веревки-связи и уже расходящихся кругов на воде. Героем (и одновременно словом) текста Родионовой может стать визуальный образ. На с. 33 слов нет, лишь визуальная часть — ряды квадратов, взятые в жесткие скобки, становятся менее черными, менее контрастными, от скобок освободившись. Может быть, на свободе получая большее единство с окружающим? Но это и герой? слово? на дальнейших четырех страницах, где эта группа квадратов без скобок, но и без размытости. Некая общность? людской строй? одновременно напоминающая и тюремную решетку. Одна из возможных интерпретаций текста — движение около этой структуры в попытках размыть ее погрешностями и пробелами (но не хаосом: плазма — «слишком простой вариант», с. 36). В книгу входят и пустая страница 38, и коллаж за ней, где складки и капли, эфемерное и различное, возможно, противопоставленное геометричности строя, завершающееся словами «в теплоте» (с. 39). Внимание к индивидуальности предметов — путь к вниманию к индивидуальности людей. Но и телесность для Родионовой не абсолют. Доверие очень важно, но оно может существовать «без налога соматики» (с. 29), останется, если нас и не будет.

Очень частотно у Родионовой слово «пластик» (с. 21, 24, 25, 29, 37) без отрицательных коннотаций, просто часть искусственного мира, с которой нам тоже как-то справляться. В одном из стихов пластик соседствует с синапсом, нервным окончанием, в другом есть «значащий пластик» (с. 29). Искусственный мир — не дьявольское наваждение, а тоже наше тело, еще один «брат мой осел», как говорил о своем теле Франциск Ассизский. «В той реальности, где деревья быстрее, чем деньги, / они устают сильнее?» (с. 26), и скорость современной жизни — не проклятие, а один из путей, такой же, как внимательность и медленность, и от нее свои проблемы (например, та же усталость), но и свои возможности: «разрешает им быть любыми» (там же). Стихи Родионовой можно рассматривать также и как противоположность неприятию современных технологий, скорости, безверия в некие высшие силы — например, у Андрея Таврова. Внимание к технике не ведет к отказу от этики. У. Баранова отмечает, что у «Родионовой категория совести оказывается важным фильтром, который определяет возможность/невозможность отклика»². Происходит воз-

2 Баранова У. «Климат» Анны Родионовой / Ключ к коммуникации // Флаги. 2022. № 14. 20 сентября (https://flagi.media/page/3/online_issue/22).

вращение слов «нежность», «радость», «совесть» — не в постконцептуалистских играх с персонажами, а произносимых от первого лица, в их сложности. «Устав, статья, — никогда не внахлест нежности, / но только теперь — наоборот, пересекая всё реже» (с. 37). В размытости, где и предметы становятся уже не только собой.

Книга Родионовой при всем акценте на новые технологии встраивается в большую традицию. При разговоре о ее стихах часто упоминаются шум, помехи — но еще футуристы интересовались печатками. (Это сходно и с сюрреалистической надеждой на самодействие языка или среды, которые, как впоследствии оказалось, сами все-таки много не скажут.) Н. Сафонов, представляя стихи Родионовой на премию Драгомощенко, писал о кристаллизации объемов «из пробелов, провалов, прорывов и протечек пленки контингентности материй выражения» — но еще Мандельштам говорил о выразительности пробелов: «Настоящий труд — это брюссельское кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы»³. При этом Родионова не отказывается ни от «высокой» лексики («страсть пройти это», с. 22), ни от сближения слов по созвучию («твоя склера — сверка, / вид, вытщенный на вред», с. 23).

А. Тальский говорит о семантических фильтрах (с. 9). Но это вопрос, требующий большой осторожности. Фильтры необходимы, человек и искусство избирательны. Но есть риск пропустить через эти фильтры только то, на что они заранее настроены, только концепцию. О недостаточности фильтра пишет и Родионова: «фильтр это фит с тем, что есть. // Но хочу то, что будет» (с. 29). Риск редукции текста к концепции — и в том, что публикации текстов Родионовой всегда сопровождаются большими предисловиями. Еще на премии Драгомощенко сопроводительная заметка Н. Сафонова была по объему гораздо больше подборки стихов, в данной книге предисловия занимают девять страниц сравнительно с 45 страницами текста (например, книги Заруцкого обходятся без предисловий). С другой стороны, фильтры не всегда работают так, как хотел бы настраивающий. Тальский пишет о «миражности» книги Родионовой. «Читая-при-миражах, мы можем переключаться между разными информационными инстанциями наших реакций, наблюдая многофакторность процесса производства значения» (Тальский, с. 12). Но учитываются ли тут значения слова «мираж» как «несуществующее», «прекрасный обман»? Вряд ли Тальский хотел сказать, что книга Родионовой уводит в прекрасные мечты, да книга и не уводит, но игнорирование части значений ведет и к таким нежеланным утверждениям. В то же время атмосферный мираж — сложная система, но функционирующая однозначно-естественнонаучным образом. Возможно, и Родионова порой не готова выдерживать собственные установки, она говорит о «главном результате произошедшего» (с. 42), и далее «самое ценное в этой рациональной страсти» (с. 58) — будто в сети возможностей есть что-то главное и самое ценное. Есть риск попадания в очевидный мир окруживших социальных границ, компьютерной графики и компьютерных игр, в котором лишь надежда на связь и блеск.

«Как открыть замкнутое?» (с. 50) — «Нарастивая доступ к минимальным изменениям языка передачи» (с. 51). Родионова демонстрирует, что эти изме-

3 Мандельштам О. Четвертая проза // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 99.

нения — далеко не только мираж и иные помехи. Это усилия «по дестабилизации как времени, так и пространства чтения (а значит, переориентации как восприятия, так и воображения письма)» (Н. Сафонов). «вода — это планета, текущая безразлично, / сграницив эго и долг» (с. 18). Течением событий долг падает, действительно безразлично к нам — кто бы я ни был, я должен. За нами «выбор / первого времени, в которое мы не способны лгать» (с. 29). В книге за этим идет чистая страница — место нашего выбора, возможности, свободы. «от земли отрывается вся еда, выброшенная» (с. 25). Мы в невесомости, нам придавать вес и тепло, «разбираться в том, как можно всё отделять» (там же) в дрожи рук.